

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ЭТНОГРАФИИ И АНТРОПОЛОГИИ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

Ю. В. МАРЕТИН

АДАТ, ИСЛАМ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ БОРЬБА У МИНАНГКАБАУ (ЗАПАДНАЯ СУМАТРА) В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX в.

Основной задачей, стоящей ныне перед Республикой Индонезией, отметившей 17 августа 1964 г. своё девятнадцатилетие, является борьба за полную независимость в политической и экономической сфере, за дальнейшее упрочение единства страны и народа, за укрепление и расширение демократии. В этой борьбе республика сталкивается с целым комплексом внешних и внутренних трудностей. Индонезия — это не только страна трех тысяч островов, но и страна множества проблем. Чрезвычайно разнообразен этнический состав ее населения. Там живет более 150 народностей и племен, а по некоторым данным даже более 360¹. Эти народности и племена находятся на разном уровне социально-экономического развития. В Индонезии сегодняшнего дня мы встретим, наряду с формирующимся государственным сектором в экономике, государственно-капиталистический и частнокапиталистический секторы; во многих районах сохранились остатки феодализма, а в некоторых господствуют еще общинные отношения с пережитками родовой организации. В ряде случаев элементы этих укладов и формаций находятся в самом причудливом сочетании друг с другом. Сложный и переходный характер экономической основы в значительной мере определяет чрезвычайную сложность надстроечных явлений, что, в свою очередь, находит выражение в политической и идеологической жизни республики. Особенно ясно это обнаруживается при рассмотрении истории народности минангкабау на протяжении последнего полувека.

Минангкабау играют очень большую роль в истории Индонезии новейшего времени. Выяснение общего характера и специфических черт политической и идеологической борьбы у минангкабау необходимо прежде всего для изучения самого минангкабауского общества, экономическая и политическая жизнь которого до наших дней изображается во многих работах, особенно этнографических, в сильно архаизированном виде, вплоть до приписывания минангкабау «развитого матриархального строя». Это важно также для освещения некоторых основных политических, экономических и социальных проблем современной Индо-

¹ М. Я. Берзина, С. И. Брук, Население Индонезии, Малайи и Филиппин (приложение к карте народов), М., 1962, стр. 80—82; M. J a s r a n, Daftar sementara dari sukubangsa² di Indonesia, Jogjakarta, 1958.

незии. К их числу в первую очередь относятся вопросы развития в современных условиях народностей с пережитками общинно-родовых отношений, вопросы классовой дифференциации и формирования буржуазии у отдельных народностей Индонезии, а также проблема отношений между буржуазией разных народностей, наконец, характер и направление политической борьбы, которую ведут различные классы. В конечном счете все эти вопросы входят составной частью в одну общую проблему — проблему формирования индонезийской нации.

Минангкабау — крупная народность Индонезии, населяющая компактно Западную и отчасти Центральную Суматру, а также некоторые другие районы в Индонезии и за ее пределами (например, на Малаккском п-ве)². До начала нашего века минангкабау сохраняли в своей социальной структуре многие черты матрилинейного рода, а именно: большие матрилинейные семьи, или домовые общины; авукулат; равноправное положение женщины; браки, при которых ни один из супругов не прерывал связи со своей большой материнской семьей; расселение по родовому признаку; родовую экзогамия и др. Эти остатки матрилинейного рода продолжали существовать при сравнительно высоком уровне развития производительных сил, материальной и духовной культуры, а также несмотря на длительное существование государства в прошлом (княжество Минангкабау XIII—XVIII вв.). Минангкабау сохранили вплоть до первых десятилетий нашего века и прочную соседскую общину со всеми свойственными ей особенностями: правом общины на землю, общинными работами, системой взаимопомощи, общинной системой управления и пр., а также быстро растущим противоречием между общинным и частновладельческим принципами.

Минангкабау исповедуют ислам (первые приверженцы этой религии появились здесь, по-видимому, уже в XV в.) и считаются одними из наиболее ревностных мусульман в Индонезии. В связи с этим большой интерес представляет сочетание у них традиционной материнско-родовой социальной структуры с исламом, положения которого, регламентированные мусульманским правом — шариатом в ряде пунктов полностью расходятся с нормами минангкабауского обычного права — адата, прежде всего в имущественных и семейно-брачных вопросах. Называя свое доисламское обычное право адатом (термин, распространенный в этом значении по всей Индонезии) минангкабау противопоставляют его шариату как форме общественно-правового сознания, появившейся вместе с исламом. Минангкабау, а вслед за ними индонезийские и европейские ученые широко употребляют выражение «борьба ислама против адата», понимая под этим борьбу между сторонниками последовательного введения норм мусульманского права и сторонниками сохранения традиционного обычного права — адата. В начале XIX в. противоречия между ортодоксальными мусульманами, требовавшими отказа от материнско-родового адата, и сторонниками сохранения адата, довольствовавшимися лишь внешним признанием мусульманской религии, достигли особой остроты и вылились в кровопролитную войну, известную под названием войны (или войн) падри (падри — это в основном мусульманское духовенство и хаджи, получившие свое название от города Педир на Северной Суматре, через который возвращались паломники из Мекки). Война эта началась как религиозно-

² По определению М. Я. Берзиной и С. И. Брука, в 1961 г. численность минангкабау, вместе с родственными им жителями районов Суматры, лежащих на юг от Западного побережья, составляла 3 млн. 600 тыс. человек, т. е. около 3,5% всего населения Индонезии (Указ. раб., стр. 80).

реформаторское течение и переросла в широкое социальное движение³. Поскольку одной из целей войны падри было создание независимого мусульманского государства, голландцы выступили на стороне «адатной партии», получив за это от адатных старейшин по договору 1821 г. значительную часть территории области. После прямого вмешательства голландцев война превратилась в национально-освободительную. В целом борьба длилась более сорока лет, с 1803 по 1845 г.⁴

На протяжении второй половины XIX в. материнско-родовой адат у минангкабау продолжал сохраняться, претерпев лишь небольшие изменения. Этот факт дал повод некоторым ученым говорить об особой приверженности минангкабау к своему адату⁵.

Однако за «приверженностью к адату» стояли вполне материальные причины, среди которых первое место занимало то обстоятельство, что социальная организация этого народа основывалась на консервативной системе производства. Наличие поливного земледелия и огородничества в сочетании с домашним ремеслом, развивавшихся в условиях длительного оседлого проживания на одном месте при существовании значительной изоляции, — вот основные черты этой системы. Феодализм формировался у минангкабау крайне медленно. Кроме того, само возникновение феодального княжества еще не означало крушения старых общин, ибо в этих общинах и при феодализме внутренняя хозяйственная жизнь оставалась неизменной⁶. Захват области Минангкабау голландцами в первой трети XIX в. и политика правительства Нидерландской Индии, направленная на удушение торговли области с другими районами Индонезии и на ограничение внутриобластной торговли, на разобщение и изоляцию народов Индонезии, на поддержку общинно-родовой верхушки и выделившихся из ее среды феодальных элементов, — все это еще более усилило изоляцию минангкабау и привело к застою и даже регрессу их общественного развития (как и других народов Индонезии). Именно поэтому у минангкабау можно наблюдать в XX в. пережитки таких форм общественной жизни, какие были здесь тысячу и более лет назад⁷.

³ Голландский ученый В. Вертгейм высказал предположение, что падри были предтечами буржуазного развития Западной и Центральной Суматры (W. F. Wertheim, *Religious reform movements in South and Southeast Asia*, «Archives de sociologie des religions», 1961, № 12, стр. 56 сл.; его же, *Indonesian society in transition*, 2d ed., The Hague, 1959, стр. 289, 291).

⁴ Ю. В. Маретин, *Историография войны падри на Западной Суматре в первой половине XIX в.* (Из истории религиозной и национально-освободительной борьбы в Индонезии), «Межвузовская научная конференция по историографии и источниковедению истории стран Азии и Африки», Л., 1963.

⁵ M. Jousstra, *De Minangkabausche Maleiers*, в кн.: «De Volken van Nederlandsch-Indië», Onder leiding van Prof. J. C. van Eerde, т. I, Amsterdam, 1920, стр. 159. Эта мысль проходит красной нитью через большинство работ, начиная с первых сообщений о минангкабау и кончая некоторыми трудами, написанными в наши дни (см., например, М. Персхерон, *L'invisible Asie*, т. 3. Temples, volcans et esprits de l'Indonesie, Paris, 1960, стр. 27).

⁶ По вопросу о значении подобной системы хозяйства для сохранения традиционной социальной структуры см.: К. Маркс, *Британское владычество в Индии*, К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., изд. 2, т. 9, стр. 134—135; К. Маркс, *Капитал*, К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 25, ч. 2, стр. 349.

⁷ Аналогичное переплетение капиталистических отношений с феодальными и даже с пережитками родовой организации — например, с пережитками материнского рода, — отмечено и в других странах, долгое время находившихся под колониальным господством: в ряде районов Индо-Китая, в некоторых районах Африки. (См., например, И. И. Потехин, *Родовые отношения в системе социальных отношений современной африканской деревни*, «Доклады советской делегации на V Международном конгрессе антропологов и этнографов», М., 1956, стр. 8—9.)

С начала XX в. незыблемые, как казалось, устои обычного права минангкабау стали стремительно разрушаться. Процесс их распада начался значительно раньше, не позднее рубежа XVIII—XIX вв., но на протяжении XIX в. он проходил чрезвычайно медленно. В XX же веке в систему общинно-родовых институтов с зачатками феодальных отношений стали бурно вторгаться отношения, характерные для капиталистического строя, что нашло отражение и в сфере идеологии и политики.

Проблемы политической борьбы у минангкабау вызывали и вызывают интерес у ученых Европы и Америки и в самой Индонезии. Подавляющее большинство авторов основную роль в формировании нового уклада у минангкабау приписывают явлениям идеологического, в первую очередь религиозного порядка, а именно: борьбе сторонников мусульманства за последовательное введение установлений ислама⁸. Голландские юристы, изучавшие обычное право народов Индонезии, в том числе соотношение адатного и мусульманского права, как правило, вводят еще один элемент, обуславливающий, по их мнению, изменения в обычном праве, а именно: действие европейского законодательства, постепенно вводимого в Индонезии голландскими властями⁹.

Некоторые авторы, наряду с признанием роли религии в становлении новых общественных отношений у минангкабау, особое внимание обращают на роль националистических движений в этой области, явившихся отголоском общего подъема национального самосознания в Индонезии и идущих как под религиозными лозунгами, так и под лозунгами, не связанными с религией. При этом наблюдается тенденция трактовать экономические противоречия между буржуазией отдельных районов Индонезии как преимущественно межэтнические¹⁰.

Существует и другой подход к решению вопроса о причинах и характере изменений в социальной структуре народов Индонезии и связанных с ними изменений в идеологической надстройке. Основой этого подхода является марксистский анализ экономического базиса индонезийского общества. Из советских ученых роль экономики в социальной трансформации индонезийцев впервые детально проследил А. А. Губер, который коснулся также и проблем, связанных с причинами и характером изменений в минангкабауском обществе¹¹. Марксистский анализ проблемы становления буржуазии и основных направлений политической борьбы в современной Индонезии дал Н. А. Симония¹².

К пониманию роли экономических факторов в изменении традиционного уклада народов Индонезии пришли и некоторые исследователи

⁸ J. Prins, *Adat en islamietische plichtenleer in Indonësië*, 3-е изд. s'Gravenhage, 1954; J. Cuisinier, *La guerre des padri*, «Archives de sociologie des religions», 1959, № 7. Ср.; J. M. van der Kroef, *Adat and Islam in Indonesian Nationalism*, «United Asia», т. 4, 1952; его же, *Disorganisation and social change in rural society*, в кн.: J. M. van der Kroef, *Indonesia in the modern world*, ч. I, Bandung, 1954; его же, *The role of Islam in Indonesian Nationalism and Politics*, «Western political quarterly», т. 11, 1958, № 1; P. E. de Josselin de Jong, *Islam versus adat in Negri-Sembilan (Malaya)*, «Bijdragen tot de taal-, land- en volkenkunde», т. 116, 1960, вып. 1.

⁹ C. van Vollenhoven, *Het adatrecht in Nederlandsch-Indië*, 2-е изд., т. 1—2, Leiden, 1931; B. ter Haar, *Adat law in Indonesia* (Transl. from Dutch), New York, 1948.

¹⁰ H. Bouman, *Enige beschouwingen over de ontwikkeling van het Indonesisch nationalisme op Sumatra's Westkust*, Groningen—Batavia, 1949; J. M. Pluvier, *Overzicht van de ontwikkeling der nationalistische beweging in Indonësië*, s'Gravenhage—Bandung, 1953.

¹¹ А. А. Губер, *Индонезия. Социально-экономические очерки*, М.—Л., 1932, стр. 194—196.

¹² Н. А. Симония, *Буржуазия и формирование нации в Индонезии*, М., 1964.

на Западе. С середины 1920-х гг. голландский ученый Б. Схрике посвятил несколько работ изучению влияния экономического развития на социальные изменения в минангкабауском обществе¹³. В настоящее время в целом на материалистических позициях при объяснении фактов социальной истории Индонезии и вопросов политического развития и религиозной жизни страны — и области Минангкабау в том числе — стоит прогрессивный голландский ученый В. Вертхейм¹⁴.

Каковы же были те глубинные процессы, которые привели к бурному росту политической активности среди минангкабау, какие сдвиги произошли в этом обществе в начале нашего столетия?

На экономическое развитие минангкабауского общества большое влияние оказало начавшееся в последней четверти XIX в. проникновение голландского капитала: правительство и частные фирмы приступили в области Минангкабау к разработке полезных ископаемых (в первую очередь залежей угля), возникли частные плантации и первые промышленные предприятия, в связи с чем остро встал вопрос о строительстве дорог. С постройкой железной и нескольких шоссейных дорог продукция области Минангкабау получила выход в районы, куда ранее она не имела доступа. Одновременно область оказалась открытой для ввоза продукции извне, в том числе и иностранной.

Неизмеримо возросла, начиная с первого десятилетия XX в., роль денег в жизни минангкабау. Если прежде деньги были нужны лишь в немногих случаях (починка обветшавшего большесемейного дома, выдача замуж дочери, похороны члена семьи и т. д.), то теперь деньги стали необходимыми для уплаты многочисленных прямых и косвенных налогов, число которых непрерывно возрастало, для откупа от принудительного труда (ранее от государственной барщины откупиться было нельзя), оплаты займов и процентов по ссудам, покупки многих предметов первой необходимости и продовольствия, производство которого в ряде районов, вследствие перехода к экспортным культурам, сократилось. Широко распространились различные формы заклада земель. Общинники, земли которых были заложены, нанимались сезонными рабочими на плантации, вливались в ряды рабочих, занятых на железных дорогах и на шахтах. Важно отметить, что к наемному труду прибегали теперь многие разбогатевшие крестьяне, при этом не только при выращивании экспортных культур, но и для обработки рисовых полей. Традиционная система взаимопомощи все более уступала место найму за фиксированную оплату. Особенно большое влияние на социальную организацию минангкабау оказал переход населения к производству экспортных культур, среди которых ведущее место заняли каучуконосы. Кроме того, многие культуры, которые ранее выращивали главным образом для внутреннего потребления, стали производить специально для продажи (например, рис).

В результате, развитие капиталистических отношений у минангкабау шло более быстрыми темпами, чем, например, на Яве: здесь сложился более сильный отряд буржуазии. Уже в 1916 г. в Паданге был основан «Союз торговцев» («Саудагар ференигинг») — крупнейшее объединение торговцев Индонезии. Одновременно с формированием торговой, мелкой сельской и мелкой промышленной буржуазии, связанной с небольшими предприятиями обрабатывающей промышленности,

¹³ B. Schrieke, *Het communisme ter Sumatra's Westkust, Weltevreden, 1928*. Есть англ. перевод: B. Schrieke, *Indonesian sociological studies*, ч. I, The Hague — Bandung, 1955, стр. 83—166 (ссылки даются по этому изданию).

¹⁴ W. F. Wertheim, *Indonesian society in transition; or же, Religious reform movements in South- and Southeast Asia*.

происходит становление собственного пролетариата, в подавляющем большинстве сельскохозяйственного. Этот экономический переворот резко ускорил отмирание пережитков материнского рода в семейно-брачных отношениях минангкабау и привел к разложению общины¹⁵.

Глубокие экономические сдвиги и вызванные ими изменения в социальной организации нашли отражение в политической борьбе, развернувшейся на Западной Суматре с первых десятилетий XX в. Большинство западных исследователей единодушно пишет, что в начале XX в. у минангкабау налицо были три главные силы, находившиеся в постоянном столкновении между собой — так называемый «треугольник борьбы» (*driehoeksstrijd*)... между народным адатом, исламом и современными западными представлениями¹⁶. Однако из поля зрения буржуазных ученых выпадает целый комплекс социальных сил, а именно: движение крестьянства и растущего рабочего класса. В результате подлинная картина расстановки классовых сил оказывается искаженной.

Действительный «треугольник» борьбы у минангкабау имел следующие три основных направления, которые определились с 1910-х гг.

Во-первых, по-прежнему сохранялся антагонизм ислама (точнее — шариата) и адата; за этим антагонизмом скрывалась борьба растущего класса буржуазии против общинно-родовых и феодальных традиций, сковывающих ее развитие.

Во-вторых, растущая минангкабауская буржуазия использовала ислам как знамя, с которым она выступала уже не только против общинно-родовых и феодальных элементов, но и против голландского господства, пропагандируя идеи «мусульманского национализма». В первом случае на этом знамени был начертан лозунг «частная собственность», во втором — лозунг «национализм». В. И. Ленин еще в 1913 г. в статье «Пробуждение Азии», констатируя подъем революционно-демократического движения в Индонезии, отметил, что в первую очередь носителями этого демократического движения являются «народные массы на Яве, среди которых пробудилось националистическое движение под знаменем ислама»¹⁷. Идеи мусульманского национализма получили широкое распространение и за пределами Явы. У минангкабау они нашли отклик не только среди буржуазии, но и среди крестьянства, средних городских слоев, полупролетарских слоев города и деревни, среди наименее сознательных рабочих. Если для буржуазии лозунги ислама стали удобным средством сплочения в борьбе против иностранного господства за свое утверждение в стране, то для народных масс, остававшихся равнодушными к схоластическим тонкостям богословия, религиозные лозунги содержали призыв к борьбе за улучшение условий жизни, за возможность избавиться от колониального и феодального угнетения.

Третьим направлением, по которому разворачивалась борьба, были противоречия между пролетаризирующимся крестьянством и местной буржуазией, — противоречия, которые, однако, еще не достигли полного развития. Далеко не изжитая статичность экономического базиса, недостаточно оформившаяся еще классовая структура, сохранение некоторых древних общинно-родовых традиций и институтов — способ-

¹⁵ Вопросы эволюции общины и семьи у минангкабау рассмотрены нами в работах: «Община минангкабау и ее разложение (первая треть XX века)», «Восточно-азиатский этнографический сборник», II, Труды Ин-та этнографии АН СССР, нов. серия, т. LXXIII, М., 1961, стр. 280—352 и «Отмирание пережитков материнского рода в семейно-брачных отношениях минангкабау (первая половина XX века)», «Сов. этнография», 1960, № 3.

¹⁶ M. Joustra, *Minangkabau*, s'Gravenhage, 1923, стр. 138.

¹⁷ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 23, стр. 145.

ствовали затушевыванию остроты назревавшего классового антагонизма. Сильно развитые отходничество и эмиграция служили дополнительной отдушиной, ослаблявшей рост классовых противоречий.

С 1910-х годов в области одна за другой возникают религиозные и культурно-просветительные организации, а позднее и политические партии, в которых спланивались те социальные слои, которые стояли за каждым из упомянутых направлений.

«Адатная партия» — под этим условным названием объединяются сторонники сохранения адата у минангкабау, в основном представители общинно-родовой верхушки — выступала как представитель узко-местного национализма и искала поддержки у голландских властей против растущих сил буржуазии и против разорявшегося крестьянства. Некоторые адатные старейшины встали на капиталистический путь развития, однако и они боролись за сохранение адата, в котором видели юридическую основу своего политического и экономического влияния на крестьянство. Для защиты своих привилегий наиболее зажиточная часть адатных старейшин объединилась в начале 1910-х годов в крайне консервативный «Адатный союз страны Минангкабау» — «Сарекат адат алам Минангкабау» (сокращенно СААМ). Этот союз направлял свои усилия как против воинственных проповедников ислама, так и против всякой революционной деятельности в области. СААМ пользовался поддержкой голландских колониальных властей, особенно из-за своего отрицательного отношения к идее общеиндонезийского национального самосознания. Адатная партия боролась за введение обучения в школах области на минангкабауском языке¹⁸, тогда как мусульманские националисты требовали обучения на индонезийском.

Антиголландская борьба, шедшая под знаменем ислама, приобрела теперь у минангкабау организованную форму. У минангкабау возникли свои мусульманские организации и партии, имевшие печатные органы. Вначале это были региональные организации, затем появились отделения общеиндонезийских мусульманских партий. Некоторые минангкабауские организации были созданы за пределами Западной Суматры¹⁹. Наряду с антиимпериалистическими и буржуазно-демократическими требованиями в деятельности этих первых организаций была очень сильна местонационалистическая струя. В 1910 г. в Форте-Коке (ныне Букиттингги) минангкабауская буржуазная интеллигенция и мелкая буржуазия создали организацию «Буди байк» — «Высшее стремление» (по образцу яванской организации «Буди утомо»)²⁰. В 1915 г. был основан «Союз молодых суматранцев» — «Йонг суматранен бонд», целью которого было «достижение национальных идеалов в своих провинциальных границах»²¹. В 1918 г. на Яве представители суматранской буржуазии, главным образом минангкабау, создали «Суматранский союз» — «Сарекат Суматра», в который влилась и организация «Буди байк». Союз носил весьма заметный местно-националистический характер. Одной из целей союза была организация автономии отдельных районов с максимальным учетом требований и желаний населяющих их этнических групп²². За этим требованием стояло стрем-

¹⁸ H. Bouman, Указ. раб., стр. 51, 94; см. также J. M. van der Kroef, Nationalism society and culture, в кн. J. M. van der Kroef, Indonesia in the modern world, ч. I, Bandung, 1954, стр. 77.

¹⁹ См. главы: «Vereenigingen van Sumatranen», в кн.: J. P. Blumberger, De nationalistische beweging in Nederlandsch-Indië, Haarlem, 1931.

²⁰ Слово «буди» в индонезийском и яванском языках означает «разум», «дух», «характер», «талант» «благодеяние», «усилие».

²¹ J. Blumberger, Указ. раб., стр. 175; J. Pluvier, Указ. раб. стр. 151.

²² J. Blumberger, Указ. раб., стр. 44—45.

ление буржуазии минангкабау укрепить свои позиции. В мелкобуржуазной среде стали звучать протесты против «расового смешения» и требования «чистоты минангкабауской крови»²³. Требования подобного рода совпадали с требованиями, выдвигаемыми адатной партией. В том же 1918 г. возникла националистическая организация «Суматранские искатели истины» — «Суматра тавалиб»²⁴, которая вела широкую борьбу за распространение мусульманского образования в области.

Минангкабауская буржуазия, располагавшая значительными средствами, создала ряд школ, газет, денежных фондов для содействия распространению образования среди минангкабауской молодежи и для отправки студентов на Яву и за границу. В результате у минангкабау стала складываться прослойка интеллигенции, связанная с правым крылом национально-освободительного движения в Индонезии. Например, только организация «Суматра тавалиб» в 1928 г. имела около 40 религиозных школ с 17 тыс. учеников и, кроме этого, значительное количество подготовительных школ для детей 6—12 лет, в основном для девочек²⁵. На Западной Суматре одна за другой выходили местные газеты на голландском и малайском языках: «Суматра бодэ», «Утусан мелайю», «Чахайя Суматра», «Йонг Суматра» (переименованная в 1928 г. в «Пемуда Суматра») и др.

Внутри мусульманских организаций и партий не было полного единства, в них были свои «националисты» и «панисламисты», «консерваторы» и «реформисты», свои «старики» (каум туа) и «молодые» (каум муда)²⁶. За каждой из этих групп стояли определенные прослойки буржуазии. Однако в 1910—1920-е годы перед лицом антиголландской борьбы противоречия между отдельными мусульманскими организациями часто отступали на второй план. С другой стороны, буржуазно-мусульманские партии у минангкабау еще быстрее приходили к единству, когда движение низов становилось слишком опасным, грозя ущемить интересы поднимающейся буржуазии.

В канун 1920-х годов в условиях растущей национально-освободительной борьбы все более широкие слои минангкабауской буржуазии и буржуазной интеллигенции приходили к пониманию того, что только в союзе с буржуазией всей Индонезии они смогут укрепить свои классовые позиции. Из среды минангкабауской буржуазии и буржуазной интеллигенции выдвинулись лидеры, развернувшие широкую националистическую пропаганду под знаменем ислама²⁷. Представители минангкабауской буржуазии принимают активное участие в деятельности общеиндонезийской мусульманской организации «Сарекат ислам», создан-

²³ Н. Воупап, Указ. раб., стр. 41, 94.

²⁴ Тавалиб, талиб (с араб.) — по-индонезийски «правдоискатель», «богоискатель», «искатель истины».

²⁵ J. Blumberger, Указ. раб., стр. 100.

²⁶ Ph. S. van Ronkel, Rapport betreffende de godsdienstige verschijnselen der Sumatra's Westkust, Batavia, 1916; B. Schrieke, Bijdrage tot de bibliografie van de huidige godsdienstige beweging ter Sumatra's Westkust, «Tijdschrift voor Indische taal-, land- en volkenkunde», Batavia, т. LIX, 1919—1921, вып. 3; Н. Воупап, Указ. раб.

²⁷ Среди активных проповедников ислама и «мусульманского возрождения» уже в начале нашего века большой популярностью в религиозных и буржуазно-мусульманских кругах как области Минангкабау, так и некоторых других районов Индонезии пользовались Хаджи Абдул Карим Амруллах (Хаджи Расул), Шейх Мухаммад Джамид Джамбек, Шейх Дауд Рашиди, Зайнуддин Лабай, Абдуллах Ахмад — все минангкабау по национальности. Их религиозная и литературная деятельность подготовила появление в Индонезии «мусульманского национализма» как самостоятельного политического и идеологического течения.

ной в 1912 г. на Яве. Уже через несколько лет в области Минангкабау было несколько десятков тысяч членов этой организации²⁸. Минангкабау по национальности Агус Салим и Абдул Муис стали руководящими деятелями этой организации.

Однако не пропаганда ислама завоевала этим лидерам популярность во всей Индонезии, а общенациональное, общеиндонезийское значение их деятельности, направленной на завоевание Индонезией самостоятельности. Именно такой характер носили выступления писателя, политического деятеля и мусульманского идеолога Абдула Муиса²⁹ на тему о борьбе с «греховным капитализмом» (то есть иностранным, в противоположность «негреховному», то есть индонезийскому), его призывы к национальному объединению Индонезии.

Вместе с тем уже в эти годы обнаружилась непоследовательность, двойственность буржуазии. Когда растущая революционность масс стала угрожать позициям буржуазно-либерального руководства, склонное к соглашательству с империализмом правое крыло минангкабауской буржуазии приняло активное участие в расколе «Сарекат ислама» (1921 г.). Агус Салим выступил против несотрудничества с голландцами, выдвинул идею панисламистского движения в Индонезии, стремясь подменить политическую борьбу религиозной. В конце 1922 г. в Чиребоне был созван первый индонезийский панисламистский конгресс при действительном участии представителей минангкабауской буржуазии.

Отрицательное значение для развития национально-освободительных идей в этот период имел тот факт, что некоторые идеологи мусульманства из числа минангкабау выступали против возрождения и пропаганды великого прошлого Индонезии (буддистской Сривиджайи, индуистского Маджапахита и т. д.), поскольку ислам появился в Индонезии на рубеже XI—XII вв. и стал играть заметную роль лишь с конца XIII в. Амруллах старший (он же Хаджи Расул), например, писал: «Такие герои, как Дипанегара, Тенгку Имам (Бонджол.— Ю. М.), вели борьбу не за Мать-Индонезию, а за ислам»³⁰. Наиболее нетерпимые из мусульманских идеологов даже требовали отказаться от многих элементов культурного наследия — например, от оркестра национальных инструментов гамелана — под тем предлогом, что это, якобы, «языческое наследие»³¹.

Борьба с консервативным традиционализмом нашла яркое отражение и в литературе минангкабау 1920—1930-х годов. Основным ее содержанием являются отображение новых условий в жизни минангкабауского общества, показ борьбы с отжившими традициями прошлого. Таковы классические произведения «Ситти Нурбая» Мараха Русли, «Ошибка воспитания» Абдула Муиса, ставшие достоянием всей Индонезии, его роман «Встреча супругов», а также популярные романы Нура Сутана Искандара «Ошибка в выборе» и «Из-за тещи»³².

²⁸ «Republik Indonesia, Propinsi Sumatera Tengah» (б. м., б. г.), стр. 75.

²⁹ А. Муис — автор многих известных литературных произведений. В начале 1920-х гг. в течение четырех лет был членом Фольксраада (Народного совета) — совещательного органа, созданного голландцами в Индонезии в 1918 г. В 1920—1923 гг. входил в руководство «Сарекат ислама».

³⁰ Н. В. Оушан, Указ. раб., стр. 49.

³¹ Там же, стр. 51.

³² Marah Roesli, Sitti Nurbaja, 9-е изд., Djakarta, 1958 (1-е изд., 1922. Русск. перевод: М. Русли, Ситти Нурбая, М., 1961); Abdoel Moeis, Salah asuhan, 7-е изд., Djakarta, 1958 (1-е изд., 1928. Русск. перевод: А. Муис, Неправильное воспитание, М., 1960); его же, Pertemuan djodoh, Batavia, 1933; Nur Sutan Iskandar, Salah pilih, 4-е изд., Djakarta, 1962; его же, Karena mentua, Batavia, 1932. См. также А. Johns, The novel as a guide to Indonesian social history, «Bijdragen tot de taal-, land- en volkenkunde», т. 115, 1959, вып. 3, стр. 232—238.

На рубеже 1920-х годов у минангкабау в национально-освободительную и классовую борьбу против внешних и внутренних угнетателей активно включились новые социальные силы в лице разоряющегося крестьянства и первых представителей рабочего класса. Уже в марте 1923 г. в Паданге было основано отделение Коммунистической партии Индонезии. Большое распространение среди минангкабау получили «сарекат райяты» — «народные союзы», состоявшие в основном из крестьян и находившиеся под влиянием коммунистов. Роль коммунистов в активизации политической борьбы в области Минангкабау признают и буржуазные исследователи. Так, голландский экономист и историк Гонгрейп писал: «Коммунистическая пропаганда с помощью лекций, газет и открытых собраний насадила идеалы свободы в сердца склонных к политике минангкабау»³³. Западное побережье к середине 1920-х гг. стало одним из центров революционного движения в Индонезии. В восстании 1927 г. основной движущей силой были крестьяне, руководимые коммунистами. Это восстание шло под кличем «Кемердекаан!» («Освобождение!»), который заслонил буржуазно-мусульманские лозунги о распространении «истинной веры — ислама».

Вместе с тем в деятельности минангкабауских коммунистов были допущены левачьи ошибки. Это объясняется большим количеством проникших в партию мелкобуржуазных элементов, отсутствием подлинного пролетарского руководства. Например, в числе минангкабауских коммунистов оказались многие члены мусульманских партий, в том числе несколько ведущих деятелей «Партии индонезийского исламского союза». Примером отсутствия подлинно пролетарской идеологии в коммунистическом движении среди минангкабау являются многочисленные листовки, распространявшиеся среди населения, в которых коммунизм связывался с исламом и провозглашался именем Аллаха³⁴.

Особенностью политической борьбы в области Минангкабау как в 1920-е, так и в 30-е годы является то обстоятельство, что в составе социальных сил, участвовавших в ней, не было еще отчетливого размежевания. Так, в 1919 г. адатные старейшины организовали кампанию бойкота иностранных товаров, требуя возврата к замкнутому хозяйству. Объективно эта кампания бойкота была на руку минангкабауской буржуазии, выступавшей против «греховного капитализма» и связавшей свою идеологию с исламом, то есть с антагонистом адатной партии. В руководимом коммунистами восстании 1927 г. приняли участие также некоторые мусульманские вероучители и их противники из числа адатных старейшин³⁵. Одни стремились укрепить ислам, другие — адат, но общим у них оказалось недовольство иностранным гнетом, ибо тяжелое бремя иностранного господства ощущали на себе не только буржуазия, но и некоторые из адатных старейшин.

Эти и подобные им факты говорят, во-первых, о том, что у минангкабау в первые десятилетия XX в. еще проходил процесс классового размежевания, что внутри формирующихся классов еще шла социальная дифференциация. Во-вторых, факты эти свидетельствуют о невыработанной еще классовой идеологии, о колебаниях и неуверенности в проведении политической линии каждым классом.

³³ H. Bouman, Указ. раб., стр. 78.

³⁴ Текст подобной листовки приводит Схрике, Указ. раб., стр. 155.

³⁵ B. Schircke, Указ. раб., стр. 151 и сл.; H. Bouman, Указ. раб., стр. 55—56; W. F. Wertheim, Indonesian society in transition, стр. 232; «The communist uprisings in Indonesia in 1926—1927», ed. by H. Benda, Yale, 1959.

Тем не менее в ходе социально-экономического и политического развития минангкабауской народности, шедшего быстрым темпом, позиция классов и их идеология определялись все более четко. В результате подавления восстания 1927 г. коммунисты понесли тяжелые потери и ушли в глубокое подполье. Это позволило буржуазным партиям, главным образом мусульманским, широко развернуть свою деятельность. Большинство этих партий у минангкабау проделало эволюцию от местного национализма до национализма общеоиндонезийского. Например, «Союз молодых суматранцев» вошел в общеоиндонезийскую организацию «Индонесиа муда» — «Молодая Индонезия» (на конгрессе молодежи в Соло, состоявшемся 28 декабря 1930 г. — 2 января 1931 г.). Основной задачей новой организации была провозглашена «борьба с провинциализмом во имя индонезианизма»³⁶. Постепенно идеи широкого национализма проникли и в «Суматра тавалиб». На конгрессе в Форт-де-Кок (22—27 мая 1930 г.) организация была переименована в «Объединение мусульман Индонезии» — «Персатуан муслимин Индонесиа» (ПЕРМИ). Во главе ее стояли Мухтар Лютфи, Ильяс Якуб и другие, — все минангкабау по национальности. Это — первая самостоятельная чисто политическая партия в области Минангкабау. Уже через год с небольшим ПЕРМИ была объявлена «радикальной политической организацией, основанной на несотрудничестве и борющейся за свободу Индонезии»³⁷. Партия насчитывала 10 тыс. членов, в том числе много женщин, имела свой печатный орган «Медан райят» — «Народная нива», выходивший в Паданге. ПЕРМИ распространила свою деятельность на север — в Тапанули и на юг и юго-восток — в Бенкулен и Палембанг, установила контакт с радикальными буржуазными партиями, центром деятельности которых была Ява (например, с «Партией Индонезии» — Партиндо).

В марте 1930 г. в Форт-де-Кок состоялся конгресс общеоиндонезийской партии «Мухаммадьях» — буржуазной партии, выступавшей за пересмотр некоторых исламских доктрин в целях более широкого развития капитализма. Из 240 делегатов 143 были минангкабау, хотя первые отделения этой партии появились на Западной Суматре лишь в 1925 г. Активное участие в работе конгресса — как, впрочем, и других конгрессов этой и иных партий — приняли женщины, собравшиеся на отдельные заседания. Речи минангкабауских делегатов были особенно резки и непримиримы по отношению к голландскому господству. Конгресс явился школой политической борьбы для населения окружающих районов: его заседания посетили около 20 тыс. чел.³⁸. К середине 1933 г. партия насчитывала в области Минангкабау 2800 членов, в том числе 600 женщин. В 1934 г. «Мухаммадьях» в области Минангкабау насчитывала уже до 200 отделений с общим числом членов около 14 тыс. чел., в том числе 4 тыс. женщин, имела около 120 мусульманских школ со 120 тыс. учащихся³⁹. Значительное влияние имела среди минангкабау общеоиндонезийская «Партия индонезийского исламского союза» —

³⁶ J. Pluvier, Указ. раб., стр. 152.

³⁷ Там же, стр. 76.

³⁸ P. Blumberger, Указ. раб., стр. 344.

³⁹ H. Bouman, Указ. раб., стр. 80, 84. О распространении образования среди женщин минангкабау и об участии их в политической борьбе см.: J. Cuisinier, *Islam et matriarcat à Minangkabau* «Cahiers de l'institut de science économique appliquée», т. V, № 6, июль 1963, стр. 47—62; C. Vreede—de Stuers, *The Indonesian woman. Struggles and achievements*, s'Gravenhage, 1960.

«Партай сарекат ислам Индонесиа» (ПСИИ), возникшая на базе «Сарекат ислам». Основатели этой партии объявили ее «партией исламского социализма», пытаясь найти социалистические идеи в Коране.

Наконец, следует отметить партию, строившую свою деятельность на националистическом базисе. Это «Национальное индонезийское воспитание» — «Пендидикан насионал Индонесиа», отделение которой было основано в области в ноябре 1932 г. Основателями партии были М. Хатта и С. Шарир, оба по национальности минангкабау. В основе идеологии этой буржуазной партии лежала идея развития социализма на базе традиций коллективизма, взаимопомощи и равноправия, якобы извечно присущих всему индонезийскому обществу, не знающему борьбы классов. Первоначально партия выступала с радикальными лозунгами, призывая к уничтожению имущественного неравенства, передаче средств производства государству и уничтожению частной собственности на средства производства⁴⁰. И Хатта, и Шарир раньше входили в Национальную партию Индонезии. Однако после ее самороспуска они не примкнули к радикальной Партиндо, созданной на базе Национальной партии, а выступили с самостоятельной программой. Этот факт свидетельствует о размежевании национально-либеральных и революционно-демократических сил. Отделение Партиндо было основано в области Минангкабау в мае 1933 г., но эта партия не имела серьезного влияния среди минангкабау.

Деятельность этих националистических и религиозных партий в целом была направлена на достижение Индонезией независимости. Голландские власти предприняли меры к ограничению их влияния. В 1933 г. в области Минангкабау были произведены аресты среди лидеров этих партий; партиям был нанесен тяжелый удар. Например, в ПЕРМИ в 1936 г. было около 5 тысяч членов, то есть вдвое меньше, чем в 1933 г.⁴¹, а в 1937 г. партия была распущена.

Если в 1920-е годы политические лозунги оттеснили религиозные, то с начала 30-х годов минангкабауская буржуазия, напуганная революционностью крестьянства и молодого рабочего класса, стала усиленно выдвигать на первый план цели религиозного порядка, задачи воспитания и образования и некоторые внутренние проблемы социального устройства, связанные со старой борьбой между адатом и исламом. Например, минангкабау — члены общендонезийской «Партай сарекат ислам» на XX конгрессе этой партии в мае 1934 г. специально потребовали обсудить вопрос об изменении материнско-родового обычного права у минангкабау⁴².

Однако основное направление борьбы — против голландского империализма — сохранялось. Ряд минангкабауских деятелей, активно сотрудничавших с правой буржуазной партией Париндра, вышел из нее и принял участие в организации демократической партии «Движение индонезийского народа» — «Геракан ракьят Индонесиа» (Гериндо), созданной 24 мая 1937 г. Известный историк и общественный деятель М. Ямин основал в июне 1939 г. «Партию единства Индонезии» — «Партай персатуан Индонесиа» (Парпиндо).

Активно выступали против голландцев и фанатичные мусульманские идеологи. Например, один из них — Амруллах старший — в 1940 г. развернул столь активную антиголландскую пропаганду в ряде деревень области Минангкабау, что представители голландских властей не

⁴⁰ J. Pluvier, Указ. раб., стр. 49.

⁴¹ Там же, стр. 198.

⁴² J. Prins, Указ. раб., стр. 46—48.

рисковали появляться в этих деревнях. Характерно также, что наметилось сближение между «адатной партией» и мусульманскими националистами. М. Ямин, представитель радикально настроенных кругов буржуазии, заявил в одном из выступлений 1940 г., что «каум адат и каум агама (т. е. адатная и религиозная мусульманская партии. — Ю. М.) могут теперь сотрудничать друг с другом»⁴³. Экономическое и идеологическое превосходство минангкабауской мусульманской буржуазии над адатными старейшинами к этому времени было уже совершенно очевидным; основная масса крестьянства шла за мусульманско-националистическими лозунгами.

Минангкабауские литераторы самым активным образом сотрудничали в общеиндонезийских литературных организациях, содействуя развитию общеиндонезийского языка и литературы. Широко известна, например, роль писателя, литературоведа и лингвиста Алишахбаны и других представителей минангкабауской народности в создании и деятельности прогрессивной организации «Пуджангга бару» — «Новый литератор», основанной в 1933 г.

К началу второй мировой войны в области Минангкабау антиголландские настроения были так сильны, что крестьяне еще до прихода японцев хотели поделить между собой голландские плантации и не позволяли голландцам уничтожать мосты и другие объекты, рассматривая их как свою собственность⁴⁴.

В годы войны и особенно в годы, последовавшие за созданием Республики Индонезии, вплоть до настоящего времени, продолжается процесс разложения общины и становления капиталистических отношений, отмирают старые традиции. В 1945—1948 гг. в области шла упорная кровопролитная борьба против голландцев, а также между «адатной» и «исламской» партиями. В ходе ее были убиты многие видные деятели адатной партии, сотрудничавшие с голландцами (например, известный старейшина, автор ряда книг, направленных в защиту адата, член Фольксраада Датук Туменггунг)⁴⁵. Мусульманские идеологи в эти годы вели активное наступление на законы адата. Видный идеолог исламизма в Индонезии минангкабау по национальности, Хамка (Амруллах младший) в брошюре «Минангкабауский адат перед лицом революции» писал, что в свободной Индонезии адат непригоден и «должен быть сдан в музей»⁴⁶. Общинно-родовая верхушка без поддержки колониальных властей лишилась значительной части своего влияния и перестала существовать как самостоятельная сила, примыкая к той или иной буржуазной группировке, в зависимости от обстоятельств. Среди защитников адата все чаще раздавались голоса о том, что «адат и ислам не противоречат друг другу»⁴⁷.

В послевоенный период положение минангкабауской буржуазии укрепилось. Поскольку основная сфера ее деятельности — это торговля, а также производство и обработка экспортных сельскохозяйственных культур, из этого неизбежно вытекает, с одной стороны, стремление минангкабауской буржуазии монополизировать торговлю и сосредото-

⁴³ «Overzicht van de Inlandsche en Maleisch-Chineesche pers», Batavia, 1940, стр. 63 (цит. по кн.: Н. Bouman, Указ. раб., стр. 88).

⁴⁴ Л. М. Демин, Японская оккупация Индонезии (1942—1945 гг.), М., 1963, стр. 81.

⁴⁵ G. Me Tugnan Kahin, Nationalisme en revolution in Indonesia, 3-е изд., New York, 1955, стр. 179—182.

⁴⁶ Цит. по кн.: Н. Bouman. Указ. раб., стр. 90. Хамка — псевдоним, образованный от инициалов имени.

⁴⁷ M. Nasroen, Dasar filsafah adat Minangkabau, Djakarta, [1957], стр. 21.

чить в своих руках производство и продажу экспортных культур, а с другой — заинтересованность ее во внешнем рынке. Ввиду того, что большая часть минангкабауской буржуазии добивается полной свободы в сфере производства и торговли, выступая против засилья иностранного капитала, она по своему характеру является национальной буржуазией. Протекционистская политика центрального правительства в немалой мере способствовала росту активности минангкабауской буржуазии. В ноябре 1946 г. на базе «Союза торговцев» создается «Объединение индонезийских торговцев» — «Персатуан саудагар Индонесиа» (ПЕРСИ). В том же году были созданы «Суматранский банк» и ряд экспортно-импортных объединений. Буржуазия минангкабау выходит на первое место среди торговой буржуазии Индонезии, занятой внешней торговлей. Минангкабауские торговцы ведут широкие операции во всех районах страны. Они выступили инициаторами создания ряда общеиндонезийских торговых фирм с сохранением за собой руководящей роли (например, ГАПИНДО — «Объединение скупщиков и импортеров Индонезии») ⁴⁸.

Однако по мере упрочнения своих позиций минангкабауская буржуазия все сильнее начинает обнаруживать сепаратистские тенденции. Она стремится сосредоточить в своих руках все доходы, которые она получает в области, и свести к минимуму отчисления в государственный бюджет. Она старается захватить многие рынки страны (прежде всего яванский), не допуская в то же время на Западную Суматру капитал из других районов Индонезии. Она претендует также на особую роль в государственном аппарате, в общественной и культурной жизни страны, устанавливая тесные связи с военными кругами и с бюрократией ⁴⁹. Общее поправление буржуазии минангкабау вызывается также неуклонно растущей революционностью крестьянства и рабочего класса.

Этот процесс поправления минангкабауской буржуазии находит отражение и в политической борьбе, продолжающейся на Западной Суматре. Если выступления ее лидеров в 1910—1920-е годы имели в целом прогрессивное значение (например, деятельность Абдула Муиса); если в 1930-е годы эти выступления носили хотя и умеренный, но национальный характер, то в 1950-е годы окрепшая буржуазия на Западной Суматре часто подменяет лозунги общенациональной, общеиндонезийской борьбы лозунгами местно-националистическими, используя ислам. Например, упомянутый выше идеолог ислама Хамка, отмечая роль своих соотечественников минангкабау в революционной антиголландской борьбе, заявляет, что область Минангкабау должна занять выдающееся место в Индонезии, подобное тому, какое занимала Пруссия в старой Германии ⁵⁰. При этом буржуазия теперь нередко блокируется с защитниками традиционных институтов — представителями адатной партии, лозунгом которой всегда был местный национализм.

Это изменение в позиции буржуазно-мусульманских кругов характерно для всей Индонезии. На протяжении первых трех десятилетий XX в. ислам играл роль прогрессивного и объединяющего фактора. По выражению П. Блумбергера, голландского буржуазного историка национальных движений в Индонезии, ислам стал «национальным символом». Другой голландский исследователь, Вертхейм справедливо отмечает, что «исламитизм сыграл роль преднационализма» ⁵¹. В ряде слу-

⁴⁸ «Republik Indonesia, Propinsi Sumatera Tengah», стр. 753—757.

⁴⁹ Н. А. Симония, Указ. раб., стр. 84.

⁵⁰ Н. Bouman, Указ. раб., стр. 90.

⁵¹ P. Blumberger, Указ. раб., стр. 63; W. Wertheim, *Indonesian society in transition*, стр. 215.

чаев лозунги ислама отражали борьбу масс со своими угнетателями. Однако уже в первый год существования республики буржуазно-помещичьи мусульманские круги сделали ислам своей официальной программой и добивались того, чтобы догматы ислама были положены в основу государственной политики, стремясь таким образом захватить руководство страной. Руководящей силой этих кругов стала партия Машуми («Маджелис шуро уммат муслимин Индонезиа» — «Консультативный совет мусульман Индонезии»). Она была образована в ноябре 1945 г. на основе организации с аналогичным названием, созданной японцами в октябре 1943 г.⁵² Вскоре после победы революции была создана правая социалистическая партия. Характерно, что ведущее положение в этих партиях занимали многие представители минангкабауской буржуазии и буржуазной интеллигенции, их лидерами были минангкабау Натсир и Шарир. Минангкабауские буржуазные лидеры развернули активную пропаганду идей мусульманского национализма⁵³. Большая часть минангкабауской буржуазии находилась — и в значительной степени продолжает находиться — под влиянием машумистской идеологии, которая оказывает сильное влияние на крестьянство. На выборах 1955 г. за машумистских кандидатов на Центральной Суматре было подано 50% голосов. Представители Машуми и Социалистической партии в середине 1950-х гг. занимали 90% административных постов на Западной Суматре⁵⁴.

В конце 1950-х гг. в мусульманских буржуазных организациях на Западной Суматре, как и во всей Индонезии, произошел отчетливый раскол, отразивший борьбу за два пути развития Индонезии. Наиболее реакционная часть минангкабауской буржуазии, связанная с иностранным капиталом и напуганная перспективой превращения Индонезии в государство национальной демократии, выступила с антинациональных позиций, избрав своими лозунгами создание государства ислама и автономизм. В этом ее требования совпали с требованиями руководителей буржуазно-помещичьей террористической организации «Даруль ислам» («Государство ислама»), действовавшей с 1949 г. в основном на Западной Яве и к 1963 г. ликвидированной центральным правительством. Машумистская идеология стала таким образом оружием в руках местных сепаратистов и шовинистов. К сепаратистским тенденциям минангкабауской буржуазии неизбежно примешивались узко националистические моменты. Так, в 1956 г. в Джакарте представители минангкабауской буржуазии создали организацию взаимопомощи «Минангсайо», которая развернула антияванскую агитацию⁵⁵. Эта организация ведет борьбу против инвестиций инонациональной буржуазии. Всякие попытки буржуазии Явы или других районов Индонезии проникнуть в область Минангкабау вызывают упреки в «яванском империализме» и апелляцию к «своей» народности, что нередко обеспечивает массовую поддержку.

Почвой для сепаратизма и для проимпериалистической ориентации

⁵² Л. М. Демин, Указ. раб., стр. 118.

⁵³ Так, М. Натсир в первые послевоенные годы опубликовал ряд книг, посвященных обоснованию идей «мусульманского национализма»: M. Natsir, *Dengan Islam ke Indonesia Mulia* («С исламом к Великой Индонезии»); его же, *Kebangsaan muslimin* («Мусульманская нация»); его же, *Tjinta bangsa dan tanah air* («Любовь к нации и родине»); его же, *Ideologie Islam* («Идеология ислама»), и т. д.

⁵⁴ H. Feith, *The Indonesian elections of 1955*, Ithaca (New York), 1957, стр. 78; Н. А. Симония, Указ. раб., стр. 127.

⁵⁵ H. Feith, *The decline of constitutional democracy in Indonesia*, Ithaca (New York), 1962, стр. 491—492.

части буржуазии являются слабая экономическая взаимосвязь между районами страны и экспортная направленность хозяйства. Характерное для мелкого производителя сопротивление любой форме контроля усугубляется экономическим и идеологическим — через мусульманские партии — влиянием крупной торговой буржуазии и поддержкой империализма. После войны политические и экономические противоречия между отдельными народностями Индонезии углубились за счёт этнических, что объясняется неравномерным развитием капитализма в разных районах страны. Но главными оставались классовые противоречия. Как справедливо пишет Н. А. Симония, «Под националистическими противоречиями двух групп буржуазии скрывалась острая принципиальная политическая борьба различных по своему внутреннему содержанию социальных сил за тот или иной путь капиталистического развития Индонезии»⁵⁶.

Контрреволюционный характер той части минангкабауской буржуазии, которая пошла за Машуми, проявился во время сепаратистских выступлений на Западной Суматре в 1956, 1957 и особенно в 1958 гг.⁵⁷ В феврале 1958 г. здесь было провозглашено марионеточное «Революционное правительство Индонезийской Республики». События показали, что часть буржуазии минангкабау оказалась в одном лагере с империалистами, ведущими подрывную работу против Республики Индонезии. При этом сепаратисты взяли на вооружение также антикоммунистические лозунги, широко используя для борьбы с коммунизмом исламистскую идеологию. Сепаратистские мятежи на Суматре вдохновляли лидеры Машуми из числа минангкабау — Натсир и другие, их поддерживал правый социалист Шарир, также представитель минангкабауской буржуазной интеллигенции.

Минангкабауские сепаратисты обвинили центральное правительство в том, что оно эксплуатирует область Минангкабау, получая здесь огромные прибыли, и в то же время почти ничего не делает для улучшения экономических условий в крае. Однако вот что говорят факты. Из Паданга, главного порта Западной Суматры, в 1956 г. по правительственной линии было вывезено товаров на сумму всего 187 млн. 300 тыс. рупий, то есть менее 1,8% общей стоимости экспорта Индонезии в 1956 г.⁵⁸ Что касается вывоза собственно на Яву, то 94% его приходилось на Южную Суматру и лишь 6% на всю остальную Суматру, включая и область Минангкабау⁵⁹. Цифры эти показывают, что ссылка на «эксплуатацию» области Минангкабау центральным правительством была лишь предлогом для сепаратистских выступлений. Насколько неоправданным был этот предлог, свидетельствует также следующий пример. В 1957 г., когда местная (военная и гражданская) администрация области Минангкабау фактически не признавала центрального правительства, область получила правительственных субсидий на сумму в 400 млн. рупий⁶⁰. Согласно новому восьмилетнему плану, предусмотрено значительное промышленное строительство в этой области. Например, к 1968 г. намечено более чем в десять раз по сравнению с 1960 г. увеличить добычу угля на Омбилинских копях близ Паданга, предусмотр-

⁵⁶ Н. А. Симония, Указ. раб., стр. 115.

⁵⁷ Д. Н. Айдит, Избранные произведения, М., 1962, стр. 446—490, 537—542; А. К. Лаврентьев, Тайная война против Индонезии, М., 1960.

⁵⁸ J. D. Legge, The regional autonomy and central authority, in Indonesia, Ithaca, (New York), 1961, стр. 237.

⁵⁹ Н. А. Симония, Указ. раб., стр. 98.

⁶⁰ J. Legge, Указ. раб., стр. 237—238.

рено строительство гидростанции, расширение цементного завода и т. д.⁶¹

Минангкабауские сепаратисты и поддерживающие их круги местной буржуазии стремились избавиться от взносов в государственный бюджет и добиться руководящих постов в государственном управлении. Кроме того, одной из основных целей определенных кругов местной буржуазии было широкое привлечение иностранного капитала не только в область Минангкабау, но и в другие районы Индонезии. Сепаратисты немедленно захватили в свои руки всю внешнюю торговлю, открыли доступ иностранным товарам в область и дали обещания иностранным, в первую очередь американским монополиям содействовать допуску иностранного капитала. Сепаратисты вывозили 80% экспортной продукции на основе бартерной (товарообменной) торговли, а 20% вносили в местный «фонд развития», причинив тем самым огромный ущерб народному хозяйству страны. Минангкабауская буржуазия стремилась также расширить область своего прямого политического и экономического контроля. Так, несмотря на выделение из провинции Центральная Суматра областей Риау и Джамби в отдельные провинции, что диктовалось экономическими, географическими и историческими причинами, власти Центральной Суматры не согласились с этим и пытались осуществлять свой контроль над Риау и Джамби, одновременно стараясь сорвать правительственные решения путем саботажа передачи архивов, перевода служащих и т. д.⁶²

После того как мятежники разоблачили свои тайные замыслы, они лишились поддержки основной массы крестьянства и мелкой буржуазии. В различных районах Западной Суматры проходили демонстрации протеста, население отказывалось выполнять административные и экономические мероприятия мятежного правительства⁶³. Чрезвычайно характерным является следующее обстоятельство. Если выступления реакционной минангкабауской буржуазии в первой половине 1950-х годов носили неприкрытый сепаратистский характер и целью их было расчленение республики на «автономные провинции», то во время антиправительственного мятежа 1958 г. «автономисты» заявили, что они выступают за единую Республику Индонезию, но против существующего правительства и проводимой им политики. Это изменение лозунгов отражало непопулярность идеи сепаратизма и падение авторитета партий, выступающих с сепаратистских антинациональных позиций, среди народных масс области Минангкабау.

У минангкабауской народности, наряду с развитым чувством собственного этнического самосознания, высоко развито чувство общинно-индонезийского самосознания. Президент Индонезийской Республики Сукарно в одной из своих работ писал: «Среди всех индонезийских народностей население Минангкабау, численностью в 2,5 миллиона человек, обладает в наибольшей степени *«le désir d'être ensemble»* («желанием быть вместе» — Ю. М.). Этот народ чувствует себя единой семьей. Но Минангкабау не единое целое, а лишь маленькая часть этого единого целого!»⁶⁴. На протяжении последних полутора столетий минангкабау многократно доказывали, что они являются частью индонезийского народа, разделяют его стремления, несмотря на противодействие реакционных сил. Вопрос о вкладе минангкабау в национально-освободи-

⁶¹ В. Я. Архипов, Индонезия в борьбе за экономическую самостоятельность, М. 1963, стр. 61 и сл.

⁶² J. Legge, Указ. раб., стр. 77, прим. 16.

⁶³ Д. Н. Айдит, Указ. раб., стр. 485.

⁶⁴ Сукарно, Индонезия обвиняет, М., 1956, стр. 262.

тельное движение представляет большой интерес, являясь частью той огромной задачи, которую ставят перед собой в настоящее время индонезийские историки — раскрыть героические страницы истории каждого народа, населяющего Индонезию. Национальным героем Индонезии является вождь падри Туанку Имам Бонджол. Революционеры чтят память героев восстания 1927 г. и борцов против японской и голландской интервенции 1942—1949 гг. Минангкабау дали Индонезии не только смелых борцов за национальную независимость, но и блестящую плеяду общественных деятелей и деятелей культуры — писателей, поэтов, критиков, немало сделавших для развития индонезийской национальной культуры. Помимо имен литераторов, уже названных выше, следует упомянуть также видных представителей «поколения 1945 года» А. Сани, Р. Апина, Идруса, а также писателей У. Исмаила и М. Лубиса.

Однако вследствие особенностей своего экономического развития широкие слои минангкабауской буржуазии, в том числе и мелкой, и буржуазной интеллигенции оказываются на правом крыле национально-освободительного движения, увлекая за собой значительную часть крестьянства. Правобуржуазные круги этой народности нередко выступают с местно-националистических и, следовательно, с антинациональных позиций. Таким образом, минангкабау представляют собой пример того, как классовая дифференциация, проходящая в Индонезии, рассматриваемой как единое целое, совпадает в некоторых случаях — разумеется, не в полной степени — с этническими различиями между отдельными народностями.

Политическая и религиозная борьба на Западной Суматре отражает противоречия, существующие между различными социальными классами и группами, возникновение которых было обусловлено начавшимся развитием минангкабауского общества по капиталистическому пути. Вслед за эволюцией этого общества эволюционировали политические и религиозные лозунги, отражая изменения в политике выдвигающих их классов. Адатная партия теперь уже не играет самостоятельной роли. Сравнительно немногие ее представители ищут союза с той или иной буржуазной прослойкой. Мусульманские партии и организации области в настоящее время не едины: часть их стоит за поддержку антиимпериалистической политики, проводимой центральным правительством, другая же часть выступает против этой политики. Поэтому, говоря о сегодняшнем положении в области Минангкабау, нельзя без существенных оговорок называть ислам «действенным фактором преодоления местного национализма»⁶⁵. Путь, проделанный мусульманскими партиями в области Минангкабау, отражает эволюцию буржуазных мусульманских партий в масштабе всей Индонезии. Ислам сыграл определенную положительную роль в национально-освободительной борьбе индонезийского народа в предшествующий исторический период и явился одним из факторов сплочения индонезийского народа в единое государство. Однако в наши дни в тех случаях, когда к руководству мусульманскими организациями приходят правобуржуазные и феодальные элементы, они используют доктрины ислама в своих классовых целях, идущих вразрез с национальными интересами страны. Яркое свидетельство — деятельность партии Машуми, террористические выступления «Даруль ислама», сепаратистские мятежи в области Минангкабау и в других районах страны. В июле 1960 г. ведущая сила правой буржуазии и реакционных мусульманских кругов — партия Машуми — была запрещена за антинациональную деятельность.

⁶⁵ Н. Воитан, Указ. раб., стр. 42.

На примере политической и религиозной борьбы, идущей в области Минангкабау, раскрывается и подтверждается известное положение Программы КПСС о том, что «В национализме угнетенной нации есть **общедемократическое содержание**, направленное против угнетения», но в то же время «содержится и другая сторона, выражающая идеологию и интересы реакционной эксплуататорской верхушки»⁶⁶.

Общество минангкабау давно уже не является тем идиллическим «матриархальным» обществом, каким оно рисуется в некоторых этнографических работах. В 1920-х годах оно вступило на путь капиталистического развития, порывая с традиционными экономическими и социальными институтами. Каково будет его дальнейшее развитие, покажет будущее. Несомненно одно: в Индонезии все большую роль начинают играть те общественные силы, которые стоят за национально-демократический путь развития, за укрепление Индонезии как единого политического и экономического целого, за упрочение дружбы между народами страны за создание единой индонезийской нации. В этой общей борьбе занимает свое место и народность минангкабау, представители которой героически боролись с иностранными захватчиками и внесли большой вклад в дело освобождения родины. Непременным условием такого гармоничного развития являются национальная независимость и равномерный экономический прогресс у всех народов страны.

SUMMARY

The Minangkabau, one of the prominent peoples of Indonesia, are of particular interest to the ethnologist in view of the fact that they have preserved some matrilineal survivals in spite of the rapid process of capitalist development. Western authors regard the ideological trends in Minangkabau society from an idealistic point of view, mainly as a struggle of Islam versus adat — native customary law. In order to understand the full interaction of modern political development with various currents of Islamic ideology and with mother-right survivals, it is necessary to analyse all these phenomena against a background of the economic and political developments not only in Sumatra's West Coast, but throughout Indonesia.

The ideological struggle in Minangkabau territory follows three main directions: 1) antagonism between Islam (or, more exactly, the Shariat) and the adat, which reflects the opposition of the rising bourgeois class to the clan survivals and feudal traditions; 2) struggle carried on by the growing bourgeoisie, together with the mass of the people, against the Dutch colonial rule — and nowadays against imperialism and neo-colonialism — in which they use Islam as their banner and propagate the ideas of «Muslim nationalism»; 3) contradictions between the pauperized peasantry and the nascent proletariat, on one hand, and the native bourgeoisie, on the other. In the course of the evolution of Minangkabau society the political and religious slogans also underwent changes, thus reflecting the changes in the policy lines of the different classes and social groups.

Special attention in the article is paid to the origin, character and objective meaning of bourgeois nationalism including Muslim nationalism, and also to the role played by regional nationalism in Minangkabau history in recent decades. An analysis of all these questions is made in connection with the problem of national consolidation in Indonesia.

⁶⁶ «Программа Коммунистической партии Советского Союза», Госполитиздат, 1964, стр. 47.